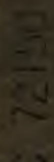

UC-NRLF
$B 81 693





ЦАРЬ-МУЧЕНИКЪ.

СЛОВО

по случаю кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

СКАЗАННОЕ ОДЕССКИМЪ РАВВИНОМЪ

Д-ромъ Швабахеромъ,

въ еврейской синагогѣ, 15-го Марта 1881 г.

Переводъ М. С. Ш—ча.

Сборъ предназначается, какъ лепта, для воздвиженія памятника Благочестивѣйшему Усопшему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, въ Александровскомъ паркѣ, въ Одессѣ.

ОДЕССА
Тип. Л. Нитче, Полицейская, № 30.
1881.

Дозволено цензурою. Одесса, 6 апрѣля 1881.

Во имя единосущаго Господа Бога!

Когда я устремляю взоръ на ваши мрачныя лица, на ваши, скорбью отуманенные, взоры, наклоненные долу, какъ будто-бы они стремились избѣгнуть дневнаго свѣта, то я въ этомъ скорбномъ настроеніи вашемъ открываю тѣ самыя чувствованія, которыя волнуютъ и меня, и грозятъ оцѣпененіемъ моей рѣчи, потому что это одно и тоже удручающее, роковое, событіе, изливающее па всѣхъ насъ ужасъ и печаль, которое соединило всѣхъ насъ въ настоящую минуту въ стѣнахъ этого храма.

Да! то былъ крикъ отчаянія, пронзившій Русь и пронесшійся чрезъ всѣ ея веси и грады, то былъ вопль, отъ котораго мгновенно перестали биться и крѣпкія сердца мужчинъ. Ужасъ заледенилъ ихъ кровь, сковалъ ихъ артеріи, и всѣ души застонали отъ боли и облачились въ печаль — и позоръ!.

Ужасъ этотъ минетъ, трепетъ разсѣется, скорбь стихнетъ — но одно останется неизгладимымъ, незыблемымъ, это — позоръ!

Да! вотъ уже въ четырнадцатый разъ какъ, современи этого потрясающаго происшествія, солнце погрузилось въ вѣчное море, для того, чтобы смыть эту страшную картину изъ своего воспоминанія; вотъ уже четырнадцать разъ какъ земля облекается въ сумрачныя тѣни ночи, для того, чтобы онѣ прикрыли густымъ плащемъ своимъ это страшное злодѣяніе, ареною котораго она сдѣлалась; но міровое море, со всѣми своими водными массами, безсильно, чтобы смыть

это кровавое пятно; но мракъ ночи, хотя-бы онъ сгустился безмѣрно и трижды обхватилъ пространство, не въ силахъ скрыть роковаго, кроваваго дѣянія, мрачно мерцающаго, подобно кометѣ, на запятнанномъ небосклонѣ исторіи!

И сколько-бы разъ первое марта ни возвращало солнца на омраченный міръ, каждый разъ, при появленіи этого страшнаго дня, Россія будетъ блѣднѣть; доколѣ она не лишится способности припоминать, она должна будетъ краснѣть; доколѣ въ сердцѣ ея останется хотя-бы одна кровинка, она должна будетъ ударять себя въ грудь, до тѣхъ поръ пока она будетъ еще биться, ибо тотъ гласъ, который нѣкогда раздался изъ облаковъ: «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель»?—онъ-же прогремитъ и надъ нею, отъ одного полюса до другаго, какъ раскатъ трубы страшнаго суда, и спроситъ: «Русь, гдѣ-же твой отецъ»?

И если-бы ты вздумала отвѣтить: — да развѣ я стражъ отца моего? голосъ этотъ прогремѣлъ-бы тебѣ въ отвѣтъ: Да! ты должна была оберегать его; ты должна была охранять его, защищать каждый волосъ на головѣ его, ибо онъ былъ отецъ твой, тебя создавшій, тебя воспитавшій и образовавшій, приведшій тебя къ величію, и поставившій тебя на высоту народовъ, поелику онъ освободилъ тебя; изъ униженія рабства вывелъ тебя на путь свободы; поднялъ тебя до сознанія человѣческаго достоинства твоего; разверзъ предъ юностію твоею врата свѣта; предъ возмужалостію твоею сознаніе нравственной личности и облекъ тебя въ порфиру твоей самодѣятельности, твоего собственнаго, всесословнаго суда, посвятивъ тебѣ всѣ помыслы свои и заботы, всю кровь сердца своего — и эту дорогую кровь ты пролила!

Взгляните на скрижали исторіи: онѣ повѣствуютъ намъ о нѣкоторыхъ добрыхъ правителяхъ, царствовавшихъ кротко и благодушно. Изъ древности лучезарно выступаетъ

образъ того Императора, который считалъ потеряннымъ каждый день «въ который ему не удавалось совершить что-либо доброе». Слова эти были-бы дѣйствительно прекрасны, еслибъ дѣянія того-же властителя вполнѣ соотвѣтствовали имъ, и, брошенныя на другую чашку вѣсовъ, не превратили-бы ихъ въ пустой звукъ. Не говоря уже о томъ, что правдолюбіе не всегда обитало раззолоченные чертоги древняго императорскаго Рима, родъ Флавіевъ въ особенности имѣлъ нѣчто искуственное, театральное въ своемъ характерѣ, и не одинъ источникъ (см. напр., Светонія и Діона Кассія) даетъ намъ основаніе заподозрить искренность намѣреній того, кого продажное время его величало «отрадою человѣчества».

Четвертый Генрихъ — отъ него еще и по нынѣ звучитъ чрезъ исторію прекрасное изрѣченіе о возвышенности его намѣреній — высказалъ много прекраснаго, много благородныхъ чувствъ, но для осуществленія ихъ онъ сдѣлалъ весьма мало. Рыцарскія наклонности его и развлеченія всякаго рода слишкомъ поглощали этого короля для того, чтобы онъ всею силою души могъ посвятить себя высокимъ обязанностямъ правителя. Сверхъ того, одинъ поступокъ бросаетъ на характеръ его весьма неблаговидную тѣнь, поступокъ, хотя быть можетъ и практичный, но тѣмъ не менѣе предосудительный для чести этого вождя гонимаго меньшинства. А исторія требуетъ не только великихъ, но и *нравственныхъ* дѣяній! А такія дѣянія, полныя, искреннія, спасительныя, высоконравственныя, великія уже сами по себѣ, и еще болѣе величавыя какъ залогъ будущаго развитія, усовершенствованія, дѣянія, которыя вы всѣ знаете, вотъ они-то ставятъ нашего Монарха недосягаемо высоко, обособляя его, въ исторіи. Перечислить-ли мнѣ вамъ эти дѣянія, возвеличившія, осчастливившія Россію? Но вы ихъ знаете не меньше чѣмъ я.

Но если Государь, щедро изливая милости изъ любвеобильнаго сердца своего на свой народъ, облагодѣтельствовалъ его, его избранная, высокая натура едва-ли не обнаруживала еще больше своей возвышенности именно въ отказѣ, въ неудовлетвореніи разныхъ опрометчивыхъ желаній, — ибо этотъ отказъ коренился въ благороднѣйшемъ свойствѣ души Его — въ довѣріи.

Государь зналъ.... ахъ! нѣтъ, — Онъ полагалъ, что подданные его довѣряются ему, что они не сомнѣваются въ Немъ, хотя-бы Онъ подчасъ и отставалъ отъ ихъ желаній; что они сознаютъ, что то было не сердце Его, которое удерживало десницу его, нѣтъ! но что то были государственныя велѣнія высшаго порядка, которыя требовали, чтобы его дѣти, хотя и медленнѣе, но сознательно и зрѣло подготовленными, могли вступить въ политическую жизнь.

Но въ этомъ отношеніи, великодушное сердце Монарха опередило Его соображенія; Его безпредѣльная, самонадѣянная любовь къ своему народу заставила Его предполагать, что подданные его должны довѣрять ему безусловно, хотя-бы они не всегда Его понимали.

Но какъ глубоко, какъ тяжко ошиблась царская душа! Страшный опытъ доказалъ, что сердце Его не было узнано, любовь Его не понята, довѣріе не оцѣнено, воля Его не исполнена!

Эту царскую скорбь мы находимъ изображенною въ дивно-прекрасномъ образѣ, начертанномъ пророкомъ Исаею, въ 5 главѣ: «Пріятель мой имѣлъ виноградникъ на тучной горѣ, вспахалъ его, очистилъ почву отъ камней и насадилъ его отборными лозами. Соорудилъ башню по срединѣ и давильню, для выжатія сока будущаго винограда, и надѣялся, что виноградникъ дастъ виноградъ, но онъ далъ лишь сорныя травы и кислыя ягоды. Ну, вотъ вы, жители Іерусалима и вы, мужи Іудеи, разберите теперь споръ между

мною и виноградникомъ моимъ. Что оставалось еще сдѣлать для виноградника моего, чего-бы я уже не сдѣлалъ? Почему я ожидалъ, что онъ принесетъ виноградъ, а онъ принесъ лишь плевелы? Я разсчитывалъ на разумность, а, смотри, вышло бѣдствіе; я надѣялся на справедливость, а явилася безнравственность! Гусли, арфы, литавры и флейты господствуютъ на ихъ пиршествахъ, но на дѣла божіи они не взираютъ. По этому преисподняя расширяетъ свою алчность и разверзаетъ еще болѣе пасть свою до необъятнаго, и въ эту бездну валится все прекрасное и благородное, вся полнота и радость жизни, и человѣкъ дѣлается униженнымъ, и мужъ сокрушеннымъ».

Да! Россія была виноградникомъ для царственнаго сѣятеля своего. Онъ отгородилъ его, воздѣлалъ его, удалилъ камни и сорныя травы, и, надо сказать, ихъ было не мало въ немъ; онъ разрыхлилъ, расчистилъ каменистую почву его, облагородилъ стебли, распрямилъ ихъ для того, чтобъ они могли бодро, свободно, расправить свой ростъ въ солнечномъ воздухѣ, и разсчитывалъ на хорошее произрастаніе, на отборное вино, которое должно было веселить Бога и людей... Но чѣмъ-же отвѣтилъ виноградникъ на царскія попеченія и справедливыя надежды?

Увы! Какъ однако отпрыски его одичали, какъ стебли его искривились, лозы его опершили, листья его увяли, а ягоды его прокисли!

Но какъ же это могло случиться, вопрошаете вы, какимъ образомъ природа могла отшатнуться отъ вѣчныхъ законовъ, чтобы стать неблагодарною за всѣ эти царственные труды, за весь этотъ нѣжный уходъ?

На это я могу вамъ возразить: Не природа отклонилась отъ правды и прямоты, а лишь растенія оторвались отъ непреложныхъ законовъ природы. Они отвергли органическій ростъ, поглумились надъ постепенностью въ раз-

витіи, обогнали свою собственную юность, стремясь сразу облечься въ пышные плоды, прежде чѣмъ они успѣли еще укрѣпить свои корни. Да, они устыдились бытоваго, медленно-вѣрнаго созрѣванія, разомъ поднялись въ безмѣрныя лозы, тощія, безъ будущности, и, что хуже всего, теперешнее время ввезло изъ чуждыхъ странъ вредоносное насѣкомое, филоксеру, поражающее не только стебли виноградниковъ, но и корни нравственности!

И вотъ великодушный пахарь съ горечію увидалъ одичаніе своего виноградника, разочарованіе своихъ надеждъ. Онъ ожидалъ свѣтлаго стремленія, развитія, наливанія и произрастанія, разцвѣта и благоуханія, и нашелъ лишь вырожденіе, разрушеніе и опустѣніе, бѣшенные порывы и самоистребленіе, и въ отчаяніи Онъ воскликнулъ въ смыслѣ нашего текста: «Что же еще оставалось сдѣлать для виноградника моего, чего бы я не сдѣлалъ? Я ожидалъ отъ него, что онъ дастъ виноградъ, а онъ далъ лишь плевелы!

Но скорбный вопль этотъ не раздавался во внѣ. Тихо, безропотно, Государь таилъ горе свое въ сердцѣ своемъ, и вѣрилъ еще. Онъ видѣлъ одичалость—и любилъ еще; Онъ видѣлъ ядовитый плющъ неблагодарности какъ онъ обивалъ царственное древо подвиговъ его—и не терялъ еще надежды. Онъ видѣлъ жизнь свою въ опасности, былъ предупрежденъ о ней; вѣрные слуги слезно умоляли Его, беречь Себя, но Онъ воспріялъ мученичество, ибо слова, сказанныя нѣкогда однимъ царемъ: «Изъ крови моей воспрянетъ мститель», носились предъ духомъ Его на благородной стезѣ Его, возвышенно видоизмѣненныя: «Воспрянетъ когда-то изъ крови Моей самосознаніе, счастіе Моихъ народовъ»! Братія! Предъ ужаснувшимися очами нашими свершился стало быть тотъ патріотическій подвигъ незабвеннаго Вѣнценосца нашего, вылившійся въ священный актъ самопожертвованія, который нѣкогда поразилъ древ-

ній Римъ грознымъ величіемъ своимъ! Когда-то (такъ повѣствуетъ объ этомъ событіи древнее преданіе), посреди города, имѣвшаго сдѣлаться «вѣчнымъ», образовалась огромная разсѣлина; глухіе раскаты загрохотали въ подземной безднѣ ея; облака сѣрнистаго дыма заклубились изъ огнедышащаго жерла этой пропасти, все болѣе и болѣе ужасающими становились трескъ и гулъ, и все шире и шире разверзался этотъ громадный обвалъ. Тогда стало носиться въ народѣ воспоминаніе о древнемъ предсказаніи, гласившемъ, «что жерло никогда не сомкнется до тѣхъ поръ, пока Римъ, съ беззавѣтною готовностію, не принесетъ въ закланіе разгнѣваннымъ богамъ самаго дорогаго изъ того, что только въ немъ имѣлось». И вотъ, разъ, когда сѣдовласый Сенатъ все еще осторожно обдумывалъ это положеніе, и не могъ остановиться на какомъ либо рѣшеніи, а испуганный народъ окружалъ зіяющую пропасть, вдругъ показался, величаво сидя на конѣ своемъ, всадникъ въ золотыхъ латахъ, и хотя конь, вздыбившись, и бросался назадъ отъ зарева дымившагося жерла, онъ, подгоняя его золотыми шпорами своими, заставилъ его вмѣстѣ съ нимъ ринуться въ этотъ страшный оврагъ,—и мигомъ не стало ни коня, ни всадника, пропасть сомкнула надъ ними ужасающую пасть свою!

И если мы отдадимъ назадъ этому миѳу всѣ поэтическія краски его, если мы отбросимъ грозный эффектъ самаго подвига, то намъ тѣмъ не менѣе останется историческая мысль этой символической легенды, заключающаяся въ томъ, что борьба, недоразумѣніе между авторитетомъ власти и отрицаніемъ ея, если и не производятъ трещины въ физическомъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ порождаютъ разладъ, антагонизмъ въ государствѣ, ожидавшемъ умиротворенія.

И то, что древность облекла въ сказаніе, мы видѣли

во-очію въ трагической дѣйствительности. Разрѣшеніе этого вопроса пронеслось во всемъ вдохновляющемъ величіи своемъ предъ нашими глазами, мы узрѣли искупительную жертву, принесенную Перво-Священникомъ Монархомъ. Мы видѣли бездну, видѣли какъ изъ нея извергались грозныя тучи зарева, мы услыхали кипяченіе и рокотаніе разнузданныхъ стихій въ пропасти, но мы узрѣли также, славою увѣнчаннаго Мученика въ царскихъ доспѣхахъ, совершающаго жертвоприношеніе, въ которомъ онъ былъ и жрецомъ и жертвой.

И если нашъ реалистическій вѣкъ проносится мимо, горделиво улыбаясь, надъ преданіями старины и сопоставленіями новѣйшаго времени, я передамъ вамъ однако о фактѣ, который, не принадлежа ни иносказанію, ни древности, составляетъ обломокъ недавняго прошлаго, и по поводу котораго я желалъ бы, чтобы онъ послужилъ образцомъ для будущаго.

Тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, одинъ юноша очутился по пути странствованій своихъ въ большомъ царственномъ градѣ—Вѣнѣ. И тамъ, гдѣ было столько прелестей, столько соблазнительнаго и для него, ничто не приковало его вниманія, не остановило на себѣ ни взоровъ, ни мысли его, ибо его влекло въ одинокое, тихое мѣсто гдѣ возвышался высокій памятникъ великаго Кесаря.

Сколько времени, обнаживъ голову свою, онъ простоялъ предъ нимъ, я уже не знаю, но одно я помню: вечерняя прохлада, несомая вѣтромъ, осушала тихія слезы покаянія, катившіяся по ланитамъ изъ глазъ его къ ногамъ Императора Іосифа II, во имя неблагодарнаго поколѣнія. Эти слезы были искупительною жертвою, принесенною въ тихій вечерній часъ молодою пастырскою душою...

И эта одинокая жертва, принесенная въ вечерней тиши, никѣмъ не замѣченная, въ южномъ царскомъ градѣ,

она когда нибудь повторится въ грандіозныхъ размѣрахъ, подобно гекатомбѣ, въ великой Сѣверной столицѣ.

Да! настанетъ когда нибудь день,—я чую уже часъ его приближенія,—онъ близокъ!—когда цѣлое поколѣніе, подобно богомольцамъ, пойдетъ на поклоненіе къ великому памятнику, и всѣ головы обнажатся, и всѣ колѣни преклонятся, и всѣ руки, сомкнутыя въ кулакъ, будутъ ударять по грудямъ своимъ, и, обливаясь горючими слезами раскаянія, эти пришельцы вознесутъ теплыя молитвы свои во имя неблагодарнаго поколѣнія, не умѣвшаго распознать своего Освободителя, отступившагося отъ своего искупителя и умертвившаго своего отца!

И, осѣненные лучами заходящаго солнца, устремятъ на густые ряды кающихся паломниковъ, сквозь покровы смерти, свои взоры, полные прощенія и мира, кроткіе и ясные очи Вѣнчаннаго Страстотерпца Александра II!

Пока же, братія, когда нибудь воздвигнется ему статуя изъ желѣза, будемъ носить въ сердцахъ нашихъ лучезарный ликъ Освободителя нашего, обнимемъ Его со всею задушевностію, и соорудимъ Ему внутри насъ, со всѣмъ благоговѣніемъ и вдохновеніемъ, алтарь! Нынѣ же помолимся горячо за упокоеніе души Его. Аминь!

Панихида.

Литургія.

Хоровое пѣніе
